

Антинаучная фантастика





АЛЕКСАНДР  
КУЛЬКИН

Когда **НАША**  
**НЕ ПОПАДАЛА**



УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
К90

В оформлении переплета использована иллюстрация  
художника *С. Яковлева*

**Кулькин, Александр Юрьевич.**

К90 Когда наша не попадала / Александр Кулькин. —  
Москва : Яуза : Издательство «Э», 2016. — 320 с. —  
(Антинаучная фантастика).

ISBN 978-5-699-87447-7

Напрасно отправляются в далекое прошлое многочисленные попаданцы, любители легкой наживы. На Великой Руси и не таких проходимцев видели. И новому гостю из светлого будущего, сразу начавшему поучать князя «как правильно жить», найдут работу как раз по его профилю – копать ямы для сортиров.

А пока он занят таким важным делом, княжеская дружина отправляется в далекий поход по морю-окияну. Везде побывают русские мореходы: и в черной-черной Африке, и на островах Ниппонских, в загадочной Атлантиде, которую сначала откроют и тут же закроют снова, ибо чужда она людям. Людям, которые живут по-мужски и всегда помнят девиз «Помогать и защищать!».

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87447-7

© Кулькин А.Ю., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

Любые совпадения имен собственных, ников собственных и заимствованных, времен года, географических координат, et cetera, et cetera, являются непреднамеренной случайностью. Иски о возмещении морального, материального и физического и/или псионного, так же как и психического, ущерба не принимаются в любое время и в любой точке нашей Вселенной.

## Пролог

Академик N невольно поморщился, слушая стартовый отсчет. И чего он послушался этих вояк, которые притащили команду с космодрома? Как же... «Соображения национальной безопасности, исторический шаг...» Слушай теперь эту белиберду:

— Сто двадцать, сто девятнадцать, сто восемнадцать. Отошла кабель-мачта...

От капсулы действительно отошла девушка в белом комбинезоне и потащила в угол жгуты проводов. «Странное у нее имя», — удивленно подумал академик, но тут же забыл об этом.

— Сто семнадцать, сто шестнадцать... Продувка, ой, не то... Промывка? Чего? А-а-а, нали... — микрофон отчетливо щелкнул, и в зале воцарилась тишина. Впрочем, ненадолго: кто-то включил метроном, и вздохнувший с облегчением академик погрузился в свои ученые думы. Давным-давно он высказал гениальную мысль о возможности путешествия во времени. Сразу после того, как в школьной библиотеке прочитал Уэлса. Но тогда его планы были иными: пробраться в будущее, списать уже готовую контрольную по математике у отличницы Y и, вернувшись в настоящее, получить пятерку и полтинник премии от отца. Дол-

го и упорно шел он к своей цели. С огромным трудом, в основном за счет зубрежки, защитил диплом и с помощью физорга института (выступая в боксе за местную команду) остался в аспирантуре. Бокс ему очень помог и при защите диссертации. Оппоненты, близоруко моргая, смотрели на его кулаки и соглашались с ответами. А дальше пошли серые будни, докторская уходила все дальше и дальше в неведомое будущее, на ринге теснили соперники, и мечта о собственной лаборатории становилась хрупкой, как молодой ледок на озере. Но во время матча с наглым перворазрядником неожиданная мысль ударила в голову. Вернее, вначале был кулак в боксерской перчатке, потом нокаут. Но после команды судьи будущий академик встал с пола, оттолкнул рефери и убежал в раздевалку, стараясь быстрее зафиксировать свежеприобретенную мысль на бумаге. Мысль была особенно гениальной, так как для страны пришло время платить по кредитам. Платить было неохота, и возможность полностью поменять историю пришлось ко двору. Были взяты очередные кредиты, причем банкиры поражались ехидным улыбочкам высоких договаривающихся сторон, с легкостью соглашающихся на грабительские проценты. Тогда же из студентов-историков были отобраны Испытатель и его дублеры. И вот десять лет позади, сегодня решающий момент.

Динамик вновь ожил:

— Пять, четыре, три, два, один! Пошла, э-э-э, пошел, родимый, кхе-кхе. Да дайте же огур...

Воцарилась тишина, но академик, проморгавшись от яркой вспышки, не скрывая слез, все смотрел и смотрел на опустевшую капсулу. В голове была только одна мысль: когда же, когда волна изменений дой-

дет до них? В этот раз он не пойдет по другой стороне улицы! Он обязательно перебежит, пусть и на красный свет, и встретит Y<sup>1</sup> с тем наглым F<sup>1</sup>. Он объяснит этому хаму, как подло уводить девушек. И она обязательно останется с ним, пусть и бедным кандидатом наук!

По плечу деликатно похлопали. Академик обернулся и с недоумением посмотрел на троих в незнакомой форме.

— Вы арестованы. Вот международный ордер на ваш арест. Прошу не оказывать сопротивления и следовать за нами.

— Кто вы? У меня, в конце-то концов, защита моего правительства. И вообще, в чем меня обвиняют?

— Вы обвиняетесь в преступном хищении кредитов МВФ на общую сумму в сто миллиардов долларов. Согласие вашего правительства получено, вот подпись на ордере. А мы являемся международными аудитполицейскими МВФ. Вы можете хранить молчание, любое ваше слово может быть использовано против вас. И не оглядывайтесь, по уточненным данным, любое вмешательство в прошлое образует параллельную реальность...

---

<sup>1</sup> Имя и фамилия удалены по соображениям безопасности

## Глава первая

### Куда наша попадала

Воспитанник волхва Ивашка грустно смотрел на большой мухомор и размышлял, срезать его или просто пнуть ногой. Срезать не хотелось, надо же было при этом читать гимны из священной книги, и не просто читать, а с выражениями и соответствующими позами. Позы были охальными, и, честное слово, Ивашка сильно подозревал, что намалевал их второй ученик волхва, широко известный в девичьих светелках Кыд. А потом еще и нож надо мыть в воде ключевой, чистой и безгрешной. И спрашивается, зачем пресветлому волхву мухоморы? Он же ими брезгует и всегда именует «заморской заразой». После того как Щерый перед волхвованием пробовал курить те листья, что привез в подарок ушкунник Спесь, он стал очень настороженно относиться ко всему иноземному. Листья-то ему понравились, но вот предки явились явно не местные и стали требовать строительства чего-то несуразного и приношения человеческих жертв. Да еще чего-то про конец света бухтели, хотя еще и полуденный час не наступил. Ажно на что князь незлобив, да и тот хотел было пришибить волхва за несуразные требования. Людишек в княжестве и так мало, а тут строй какую-то «пирамиду», да потом последних смердов режь...

Так что, пока эта чушь в голову не втемяшилась, Спесю крепко дали по шапке и велели по пьяни новые земли больше не открывать. А то в следующий раз вообще какую-нибудь заразу привезет, вроде того зверя, прыгающего на задних лапах и отмахивающегося хвостом. Как его Спесь называл? Кенга какая-то. Шибко ловко та кенга прыгала... До ближайшего болота. А там... Бульк, и все. Нет, прав князь, нечего нам в этих иностранщинах делать, народу еще маловато. Вот станем на ноги и тогда выберемся из лесов и крепко-накрепко объясним всем оставшимся, чтобы к нам не лезли! И людишек своих в жертву приносить не будем, Ярило-то и так взойдет. Интересно же ему, что нового на свете, чай, живой...

На ближайшем холме ослепительно вспыхнул огненный круг с клубящейся темнотой внутри. Ивашка с сомнением покосился на мухомор — нет, он же его не ел. Так откуда видения? Из круга вывалился, оглашая окрестности исконно местными заклинаниями, какой-то человек. Это что еще за чудо? На предка вроде не похож, даже на иноземного. Ладно! — ученик поудобней перехватил нож и с опаской стал приближаться. Круг тем временем погас, и вываленец встал на ноги. Заметив Ивашку, он обрадовался и, пробормотав что-то вроде «тип нордический, с явной примесью угрофинского гено типа», громко произнес:

— Возрадуйся, отрок! Ибо воззрел ты на лико бога светлого и, кали ласка, будешь нарекатся лучшим пророком нового Учителя...

Ивашка деловито осмотрел пришельца и задумчиво протянул:

— Ну ты, паря, попа-а-ал. За сманивание чужих учеников вира такая, что мало никому не покажет-

ся. Да и пророком я быть не хочу, Спесь гутарит, что их камнями побивают. А мне прошлой зимой Машка, коваля дочь, обычным снежком так зазвездила под глаз, что ясным днем Стожары увидел.

Человек явно растерялся:

— А год какой на дворе?

— Смотря на чьем. У народа тридцать восьмой со дня князя нового, у волхва... — Ивашка пожал плечами, — не помню точно, по какому календарю он сегодня со Спесем с утра напился. Так что сам у князя и спрашивай.

— Э-э-э... — стал менжеваться мужик. — Слушай, зачем нам сразу князь? Давай посидим, разберемся, покушаем. Дорога у меня дальняя была, проголодался я.

— Не балуй! — строго предупредил отрок и отступил на пару шагов. — Прошлой весной волота нашего купцы чужеземные тоже накормили. Так он потом с оглоблей два дня дружину по буеракам гонял. Князь потом ему еще благодарность объявил, за учения, максимально приближенные к боевым.

— А с купцами что стало? — обалдело поинтересовался пришелец.

— Да кто же их, сердешных, знает? Они же совсем рядом были, когда волот их пилава откушал. Сильно потом пить хотел и ругался непотребно, когда дружинники хотели его от озера с любимыми раками князя отогнать. Ладно, ты мне зубы не заговаривай, пошли к князю!

Во княжеском дворе попаданец начал с интересом оглядываться, Ивашка же нетерпеливо высматривал своего дядьку, старшего над десятком воев. На вымощенном камнями пространстве кипела нормальная

жизнь. Каждый занимался своим делом: кто нес на кухню высокие корзины с овощами, кто тянул за хвост большую рыбину, крепко застрявшую головой в узенькой калитке. Двое конюхов с азартом скидывали свежескошенную траву с телеги, успевая щедро разбрасывать комплименты пробегающим служанкам. У ворот клетки двое заросших дурным волосом охотников из дружеского племени ейти что-то степенно выговаривали хозяйственному боярину Ершу. Тот подпрыгивал на месте, чтобы заглянуть в глаза старшему из лесовиков, и возмущенно махал зажатой в руке палкой с крупными нарезками, но старшой, чью шерсть уже тронула седина, мягко отодвигал палку своей лапищей и вновь басил что-то о бобрах и зубрах. Мимо с шумом и криком промчалась ватага девчат, возглавляемая почему-то крупным гусаком. На секунду ошеломленного Ивашку окутало сладким запахом девичьих мечтаний и хихиканий. После чего наваждение сгнуло, оставив воспоминание на ноге о щипучем гусе и на ухе — о чьих-то острых зубках. Голоса, крики, добродушная брань сливались в ровный шум, но время от времени гул голосов перекрывали причитания из отдельно стоящей избы, поднятой на бревнах:

Не спрошу-то я, не спрошусь да  
 Я цюжова цюженина, да  
 Я цюжова цюженина, да  
 Я не свой хлиб-от кушала, да  
 Я не свой хлеб я кушала, да  
 Не тибя я ли слушала, да  
 Не тибя я ли слушала, да  
 Я и слушала тятеньки, да  
 Я и слушала тятеньки, да  
 При последнем-то времицьке, да...

Время от времени слова перекрывались высоким уверенным голосом:

— Так, Дуня, этот сундук сюда подвинь. И румяна подай, что от Шемирады привезли.

Да прошу я у тятеньки,  
Да у родимосей мамушки.  
Да у родимосей мамушки  
Да благословленья великого.  
Да благословленья великого,  
Да чиста сердца ретивого.  
Да чиста сердца ретивого,  
Да ваше-то благословленьице.  
Да ваше-то благословленьице  
Да очень мило и дорого.

Ивашку дернули за рукав, он обернулся:

— Что еще?

Пришелец остекленевшими глазами уставился на теремок, и Ивашка, проследив за его взглядом, снисходительно объяснил:

— Не обращай внимания, традиция, однако. Бояны ведь издавна распевают: «Живет моя зазноба в высоком терему...» А у нас, чай, не Европа какая-то, традиции чтим.

— А как она и петь успевает, и командовать сразу? Да еще и голос меняет.

— Тю, диковинку нашел. Да этих причиталок в каждой избе по три-четыре валика хранится. С тех пор как Эдька Сонов сын из Тмутараканского княжества свой агрегат привез, «песнехран» называется, только ленивый им не пользуется. Он все пытался его как-то по-иноземному назвать, «фонограф», что ли, только не прижилось. Прогрессор, как говорит мой наставник волхв Щерый — попаданец, ничего не добился.

— А почему прогрессор обязательно должен быть попаданцем? — удивился выпаданец.

— А как же иначе? — в свою очередь удивился такой непонятливости ученик волхва. — Ведь все, кто к нам попадает, так или иначе сразу про прогресс гутарить начинают. То прогрессивный феодализм навязывают, как тот, то ли дьюк, то ли дьяк, не помню, малой совсем был. Попал к нам вместе со своими воинами, князя еще обидел, назвал его, как говорят, родоплеменным общинником.

— И что? — с огромным интересом спросил гость.

— А ничего, — отмахнулся парень, махая кому-то. Получил по башке, раскинул мозгами и понял напоследок, что был не прав. Вот и дядька мой, сейчас все решим.

Подошедший вой кивнул племяшу и, мельком глянув на прогрессора, коротко спросил:

— Ну?

— Дядька, вот, к князю привел. Чудной человек, из огненного круга вывалился. Учить всех собрался. Дозволь пройти.

— Не спеши. Кручина у князя. Привезли ему какие-то свитки из-за моря, ноты называются, что-то там еще про дипломы говорилось. Так он, видно, музыкой занялся, кручинится над этими нотами, мне сказал, чтобы я дружинника послал за Спесем.

— Ой-ой-ой, — запричитал ученик волхва. — Дядька, не скоро мы их увидим. Ты же им третьего добавил.

— М-да-а-а... — задумчиво почесал в затылке десятник. — Значитца, треугольник получился, конструкция стойкая. А ежели еще одного послать?

— Никак нельзя! Это же получится, что ты им еще одну вершину добавишь. Только уже в пространстве, — присев на корточки, Ивашка быстро сконструировал макет из подобранных палочек и четырех редек, выхваченных из корзины пробегающего мимо кухонного мальчонки.

Грузно опустившись рядом, дядька некоторое время смотрел на получившуюся фигуру, потом задумчиво добавил еще одну редьку в основание и недовольно пробасил:

— Тут моего десятка, пожалуй, не хватит. Опять квадратура круга получится, все же упьются и в основание полягут.

Станный звук прервал конструктивную беседу, и собеседники подняли головы. Прибывший стоял с вытаращенными глазами и беззвучно открывал и закрывал рот. Наконец-то ему удалось выдавить несколько слов:

— А геометрию Лобачевского не пробовали применить?

— Не знаю никакого Лобачевского, — насупилс десятник. — А ежели ты о Лобастом татарине, так он еще прошлой весной сам убедился, что параллельные прямые не только пересекаются, но и скрещиваются.

— Это ты про Марфушу, что ли? — расхохотался Ивашка. — Как она любила говорить: «Отстань, ты мне глубоко параллелен»? Сколько у них малых-то?

— Уже трое, да и опять она на сносях. Так что Лобастому не до геометрии, только успевай зарабатывать. Хороший сапожник из него получился. Ладненько, пошли к князю, небось он уже наигрался в музыку с дипломом.

В горницу к князю ввалились втроем. Хозяин сидел за дубовым столом и вертел в руках какую-то рас-

крашенную веревку с узелками. Завидев десятника, он встрепенулся:

— Ну что? Скоро ли Спесь придет?

— Нет, княже, — смущенно потупился дядько. — С волхвом они это... празднуют что-то. Может быть, завтра с утречка попробую...

— А-а-а. Понятно, ну ладно, иди, служивый. Да скажи там, чтобы валик сменили. С утра слушаю, уже наизусть выучил, скоро сам причитать буду. Так, а вы с чем на мою голову? Что за вести принесли? Впрочем, можете не говорить, ничего хорошего...

Ивашка не удержался и все-таки спросил князя о веревке. Тот хмуро посмотрел и отбросил ее в сторону, как удавку.

— Тьфу на них. Вот с караваном передали, то ли бриты, то ли какие небриты. Скотты натуральные, побери их Велес. Говорят, из-за моря прислали, вот и гаддай теперь. То ли самому на ней повеситься, то ли Спесю повесить? Говорил же я ему: не лезь в устья, иди наверх по реке. И штуkenцию эту от желтолицых подарил, чтобы планы составлял. Компаса называется, а все равно читаешь его лощи и диву даешься. «На три лаптя правее светила, плыли долго, брага кончалась... Пристали к берегу, кого-то били, потом пили, хмельное дрянное, опять побили, поплыли дальше».

— Так, княже, ходил он наверх, — с вежеством поправил владыку Ивашка. — Он же волхву рассказывал...

— Да помню я! — с досадой отмахнулся князь. — А ты хоть помнишь, что он рассказывал потом?

— Да, — неохотно согласился ученик волхва. — Опять пили, били, снова пили. Но, судя по его сиянкам и заплывшему глазу, народ там крепкий живет.